

ЧЕХОВ ЯК ПЕДАГОГ

Циганок Олена Миколаївна

Великий русский писатель, оставивший заметный след в русской классике, был, кроме своего писательского таланта, еще и неплохим своеобразным педагогом. Своеобразие его педагогической деятельности заключалось в том, что он ее, собственно говоря, и не проводил как таковую - не работал он в школе, ни в высших учебных заведениях, не читал целенаправленно лекций. Но вместе с тем, учеников у него было множество. И это были не дети - это были молодые писатели, его современники.

Надворный советник А. Лазарев-Грузинский так вспоминает о русском классике: «Чехов не был скороспелым баловнем фортуны и успеха добился медленным, тяжелым, почти «каторжным» трудом, как определял его труд в письме ко мне ранее меня познакомившийся с Чеховым петербургский журналист и секретарь «Осколков» - Билибин». Но при этом, свой полученный тяжким трудом опыт Чехов легко отдает молодому поколению. Тот же Лазарев-Грузинский вспоминает: «...если откинуть узкий смысл правки рассказов, то, безусловно, я многим обязан Чехову, и влияние его на меня было очень велико. Он открывал мне тайны писательства, до которых без его помощи мне пришлось бы брести ощупью весьма продолжительный срок».

Специфична в этом отношении сама личность писателя. Специфична и противоречива. Одним из современников он казался очень скрытным - о нем говорили: «...ни слова не напишет в чужом присутствии...». Другие - напротив, утверждали, что Чехов - рубаха-парень, открытый и прозрачный, с душой нараспашку, и приводили в пример то, что у него на столе постоянно лежали черновики его новых рассказов, и каждый, даже случайно зашедший приказчик, мог брать их и читать. Третьи - отмечали его немногословность, никак не привязывая ее к чертам личности: «...Чехов показался мне малоразговорчивым, каким он и был на самом деле» - так говорил об Антоне Павловиче В.Н. Ладыженский.

Малоразговорчивость - или лаконизм? Исследуя множество воспоминаний о русском классике, в совершенстве зная его творчество, я больше всего склоняюсь к мысли, что все же - лаконизм. Как говорил сам Чехов, писать - это не главное. Главное - вычеркивать лишнее из написанного.

Участвуя в литературных посиделках - очень частом времяпровождении в те времена - Чехов с удовольствием слушал и очень мало говорил. Ладыженский вспоминает по этому поводу слова самого писателя, сказанные после одной из таких литературных вечеринок: «Я же ничего сегодня и не отрицал в нашем литературном споре, - сказал он и, остановившись, прибавил: - Только не надо нарочно сочинять стихи про дурного городского! Больше ничего».

Чем же отличались его педагогические воздействия от простого литературного общения, от разговоров других писателей между собой? Мне кажется, что отличались они принципиально прежде всего результативностью - потому что после них Чехова много раз называли своим литературным наставником сами молодые писатели.

И. А. Бунин вспоминает о Чехове: «Я познакомился с ним в Москве, в конце девяносто пятого года. Мне запомнилось несколько характерных фраз его. - Вы много пишете? - спросил он меня как-то. Я ответил, что мало. - Напрасно, - почти угрюмо сказал он своим низким, грудным голосом, - Нужно, знаете, работать... Не покладая рук... всю жизнь. И, помолчав, без видимой связи прибавил: -По-моему, написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем... И короче, как можно короче надо писать».

В то время, когда Чехов причислял себя к писателю средней руки, Россия считала его классиком и с нетерпением ждала новых творений. Уникальная скромность Чехова в том,

что равным среди равных он считал себя сам, и поэтому не стремился выпячивать свои литературные взгляды или кому бы то ни было их навязывать. Потому и ценились его слова всегда на вес золота, что их было немного – но парой слов он мог сказать столько же, сколько другой - толстым романом.

Это и был наиболее эффективный педагогический прием Чехова. Не целенаправленное обучение, как в академических аудиториях; не длительные монологи о себе, умном, и остальных, неопытных - это были два-три слова, которыми очень ярко и очень быстро освещено все, что нужно сказать молодому автору.

Случались при этом и курьезные происшествия. Молодая писательница Лидия Алексеевна Авилова вспоминает о внезапной вспышке ревности, связанной с ее отношением к Чехову: «Ты кинулась ему на шею, психопатка! - кричал Миша, - завязала любовную интрижку под предлогом любви к литературе. Ты носишь мое имя, а это имя еще никогда по кабакам не трепали. Он хочет увезти тебя, а знаешь ли ты, сколько у него любовниц? Пьяница! бабник!». Это, с одной стороны, нелепое происшествие, по моему мнению, служит ярким доказательством того, что во взаимодействии Чехов - молодой писатель достаточно часто возникали отношения иного рода, которые обывательская психология, способная разграничить просто дружбу от других отношений, воспринимала с присущей ей злорадностью как неприличные, но которые на самом деле были отношениями учителя и ученика.

Таким образом, кроме писательского таланта, за Антоном Павловичем несомненно следует признать наличие у него и второго таланта - таланта нашего коллеги-учителя, воспитателя и наставника для молодых писателей. Прежде всего в этом состояла его жизненная цель. «Художник, - говорил он, - должен всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе он не может жить». И в этой фразе - наиболее яркое выражение педагогического таланта Чехова, благодаря которому именно его, а не других корифеев литературы, считали своим творческим наставником десятки писателей-современников.